

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

АФРИКАНЕРСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЮЖНО-АФРИКАНСКОГО СОЮЗА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

© 2022 А.Д. Стрельцов

СТРЕЛЬЦОВ Алексей Дмитриевич, младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам, Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 3, e-mail: Dr.Watson.S@mail.ru

***Аннотация.** Цель статьи – проследить становление и развитие африканерского национализма, игравшего важную роль в политической жизни Южно-Африканского Союза (ЮАС) в первой трети XX в.; выяснить истоки формирования африканерского национализма и то, какие факторы на это формирование влияли; проанализировать, каким группам белого населения ЮАС были близки идеи африканерского национализма, показать, как африканерский национализм расходился с другими идеологиями в ЮАС и как он влиял на политическую жизнь доминиона, как он повлиял на отношения ЮАС с Великобританией и следовательно на формирование Британского Содружества.*

Актуальность темы обусловлена тем, что до сих пор национализм является идеологией, объединяющей различные социальные группы многих стран мира. Условия формирования африканерского национализма схожи с условиями формирования национализма других этносов.

***Ключевые слова:** национализм, африканеры, Африка, Джеймс Герцог, Южно-Африканский Союз, доминион*

DOI: 10.31132/2412-5717-2022-59-2-74-87

Большое значение для политической жизни Южно-Африканского Союза на первом этапе его государственности, который пришелся на первую треть XX века, имел феномен африканерского национализма. Национализм – идеология и направление политики, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, ее первичности в государствообразующем процессе. Имеется множество определений национализма, но автор исходит в настоящей работе из определения, данного В.А. Тишковым и В.А. Шнирельманом в коллективной монографии, изданной Институтом этнологии и антропологии РАН в 2007 г.: «Мы определяем национализм как идеологический концепт и основанную на нем политическую практику, которые базируются на том, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государств, их хозяйственной, социальной и культурной жизни, и члены нации должны демонстрировать свою преданность, а государство и лидеры – ставить выше всего и отстаивать интересы нации» [1, с. 24].

Исторические, культурно-религиозные и этнопсихологические корни африканерского национализма

Этнической базой африканерского национализма был этнос африканеров (буров), которые являлись потомками голландских поселенцев, появившихся на юге Африки во второй половине XVII в. В его основе лежали специфические условия исторического развития этого региона Африканского континента, связанные как с укладом жизни африканеров, так и с вызовами, созданными в результате продвижения на Юг Африки Британской империи в начале XIX в. После того, как Венский конгресс 1814–1815 гг. закрепил за ней Капскую колонию, африканеры, не желая быть ассимилированными, стали переселяться во внутренние районы региона (так называемый Великий трек). 16 декабря 1838 г. они одержали победу над зулусами в столкновении в долине реки Инколе (Нколе), вошедшем в историю как битва при Кровавой реке, и основали несколько государственных образований, в частности, Трансвааль и Оранжевое свободное государство. После поражения в англо-бурской войне 1899–1902 гг. африканеры лишились своей государственности, а в 1910 г. стали гражданами Южно-Африканского Союза – доминиона, входившего в состав Британской империи.

В начале XX в. африканеры составляли большинство белого населения Южной Африки. Это в основном были фермеры, которые занимались сельским хозяйством и вели преимущественно уединенный образ жизни. Африканерских фермеров отличал антирыночный аграризм, отличительными чертами которого были склонность к автаркическому типу хозяйствования, обособленный взгляд на окружающий мир и настороженное отношение к товарно-денежным отношениям. Африканеры говорили, что с одной их фермы нельзя видеть дым, поднимающийся с другой. Кроме того, покорение зулусов и иных черных племен способствовало формированию устойчивых расистских взглядов в отношении местного населения. Черные африканцы были лишены любых политических прав и являлись основной рабочей силой в хозяйстве буров, в связи с чем те решительно выступали против каких бы то ни было послаблений их рабского статуса. В дальнейшем это послужило причиной существенных разногласий с англичанами, которые были склонны освободить коренное население своих африканских колоний от рабства, чтобы создать рынок свободной рабочей силы и освободить дорогу капитализму [2].

Существенный удар по укладу жизни африканеров был нанесен открытием на Юге Африки залежей алмазов в 1867 г. и золота в 1886 г. Спрос на сельскохозяйственную продукцию для горнодобывающего пояса Кимберли и Ранда дал многим бурам шанс на ведение прибыльного фермерского бизнеса. Однако активное распространение товарно-денежных отношений привело к сильному социальному расслоению африканеров: часть из них разорилась и пополнила ряды белого пролетариата на шахтах, часть смогла приспособиться к новым рыночным условиям. Среди буров поэтому были и пролетарии, винившие во всех своих бедах проклятых англичан, до прихода которых им так хорошо жилось, и процветающие фермеры, которые видели в английских капиталистах конкурентов [3].

Распространению националистических взглядов способствовало наличие у африканеров специфической культуры, которая отличалась высокой степенью национального своеобразия. Буры гордились своей самобытной культурой и традициями, музыкой, народным эпосом и художественной литературой. На протяжении нескольких веков у африканеров сформировался особый язык – африкаанс, который образовался в результате видоизменения голландского в условиях изоляции с добавлением к нему элементов французского (французские гугеноты на определенном этапе влились в бурское население). Разговорная форма языка африкаанс развивалась на протяжении XVII–XVIII вв.,

но только после 1900 г. на него стала обращать серьезное внимание образованная часть населения. С течением времени появилась литература на африкаанс, сложились нормы литературного языка, на африкаанс стали писать романисты и поэты [4, с. 144].

Африкаанс был одним из средств национальной мобилизации и предметом гордости, атрибутом национального престижа. Именно поэтому для африканеров всегда был важен государственный статус языка. В 1908 г. один из идеологов африканерского националистического течения Д. Малан призывал к тому, чтобы язык африкаанс стал «носителем нашей культуры, нашей истории, наших национальных идеалов». По мнению бурского мыслителя, движение сторонников языка африкаанс представляет собой не что иное как «пробуждение нашей нации до уровня самосознания и обретения достойного положения в мировой цивилизации» [5, с. 106].

Значительное влияние на идеологию африканерского национализма оказывала Голландская реформаторская церковь Южной Африки. Среди первых переселенцев из Европы большинство составляли немецкие и голландские протестанты, а также французские гугеноты, бежавшие от религиозных притеснений. Естественно, что основная масса африканеров была весьма религиозной, в связи с чем кальвинизм стал важнейшим фактором формирования африканерского этноса. Кальвинизм африканеров носил фундаменталистский, ортодоксальный характер, а формируемое им мировоззрение было важнейшей частью национального самосознания африканеров, которые видели свою нацию частью божественного устройства.

Сама политическая идеология африканерского национализма зародилась в конце XIX в. вокруг идеи о том, что африканеры – это богоизбранный народ. При этом Голландская реформаторская церковь выступала духовным оплотом националистических организаций африканеров, например, Брудербонда (тайного националистического общества африканеров, созданного в 1918 г.), все члены которого должны были принадлежать к этому религиозному объединению. Сама же церковь совместно с Национальной партией принимала деятельное участие в создании данной организации [6, с. 71].

Англо-бурская война 1899–1902 гг. дала дополнительный толчок распространению африканерского национализма. После победы в войне Великобритания проводила в Южной Африке т.н. «политику великодушия», в рамках которой были предприняты усилия для восстановления разрушенной войной экономики бывших африканерских государств. Великобритания не требовала от побежденных никаких контрибуций, наоборот, она предоставила африканерам целевые ссуды на восстановление ферм, уничтоженных во время военных действий. Тем не менее, культурно-языковая автономия африканеров была в глазах последних недостаточной для окончательного замирения между двумя нациями. Африканеры по-прежнему испытывали горечь поражения, которое стало для них национальной травмой. Чувство виктимности – ощущение себя жертвой посягательств внешних сил (британцев), а также многовековое нахождение во враждебном окружении среди недружественных африканских этносов – служили дополнительным фактором формирования идентичности африканерского этноса и подпитывали идею его национальной исключительности.

После поражения в войне, сопровождавшейся массовыми жертвами среди бурского мирного населения, в сознании большинства африканеров стала превалировать мысль о том, что нельзя допустить повторения подобного опыта для следующих поколений. Данная идея сыграла важную роль в создании системы апартхейда после 1948 г. [7, с. 169]. Историк Т. Данбар Муди, профессор социологии в колледжах Хобарта и Уильяма Смита (г. Женева, штат Нью-Йорк, США) сделал вывод о том, что африканеры рассматривали свою историю с точки зрения повторяющегося цикла страданий и смертей от рук британцев [8]. Поражение создало для африканеров дилемму: либо смириться с полной ассимиляцией и подчинением британцам, либо вернуть собствен-

ную государственность, которая бы обеспечила африканерам международное признание, участие в мировых делах, вовлечение в мировую цивилизацию. На этом фоне среди африканеров после появления ЮАС и относительной либерализации общественно-политической жизни появился запрос на политические организации, выступавшие за достижение независимости от Британской империи мирными средствами политической борьбы.

Социальной основой для распространения националистических взглядов послужили широкие слои африканерского населения с самым разным социально-экономическим статусом. Среди сторонников националистических идей были и фермеры, и рабочие на шахтах, и значительная часть интеллигенции – носителей африканерского национального кода, и некоторые бывшие военные бурской армии (парадокс заключался в том, что часть бурского генералитета – генералы Луис Бота и Ян Сметс – в конечном счете заняла пробританскую позицию).

Между тем представители других наций, населявших Южную Африку, не проявляли националистических чувств, подобных тем, что были у африканеров. В начале XX в. Южную Африку представляла собой достаточно пеструю картину с точки зрения расового состава населения. Там были и местные чернокожие этносы, и цветные переселенцы из британских колоний (например, индийцы), некоторое количество китайских рабочих, завезенных для работы на шахтах [9, с. 129]. Белые были представлены африканерами, составлявшими белое большинство, и представителями англоязычных переселенцев из Великобритании и их потомками.

Черные в тот период были лишены избирательных прав и не играли никакой роли в политической жизни страны. То же можно сказать и о прочих группах цветного населения. Что же касается англоязычных белых, они не стремились даже в небольшой степени культивировать национализм. Англосаксы на юге Африки были слишком малочисленны и лояльны своей метрополии, чтобы у них сформировалась националистическая идеология. Национальное самосознание англичан носило более космополитичный характер, чем у африканеров. Южноафриканский английский язык, имел, конечно, некоторые диалектические особенности, но оставался ближе к стандартному британскому английскому, чем, например, американский английский, и, следовательно, не мог претендовать на статус отдельного языка, как в случае с африкаанс по отношению к голландскому. Кроме того, у белых англоязычных южноафриканцев не было объединяющей их религии, сопоставимой с Голландской реформатской церковью для африканеров – они были разделены конфессиональными барьерами между англиканцами, методистами, католиками и иудеями, а также более мелкими протестантскими конфессиями. Кроме того, англоязычные белые южноафриканцы не смогли развить самобытную культуру в той же степени, что африканеры, у них не было своей ярко выраженной идентичности, и по этой причине любая их попытка подчеркнуть английскую этническую принадлежность подвергалась со стороны африканеров критике как проявление нелояльности по отношению к ЮАС и верноподданничества по отношению к метрополии.

Кроме того, свою роль играли и особенности внутривнутриполитической ситуации в ЮАС. Будучи меньшинством в меньшинстве, англоязычные белые могли обеспечить себе место во власти, только вступив в союз с африканерским большинством, точнее с той его частью, которое занимало менее националистическую и более космополитическую позицию. Идейная основа, на которой такой союз мог существовать, была расовая общность англосаксов и африканеров. Основные партии, представлявшие англоязычных белых (такие, как Южноафриканская партия или Юнионистская партия), неизменно искали и находили единые ценности белого электората, апеллируя ко всем группам белого населения независимо от их этнической принадлежности – и расизм

неизменно был одной из основных. В этом смысле южноафриканские англосаксы оказались в одной лодке с африканерами по отношению к собственной метрополии, где в начале XX в. уже начался мучительный процесс отхода от наиболее радикальных версий расовой теории, основанных на безоговорочном признании превосходства белой расы и на принятии более либеральной точки зрения, в соответствии с которой цветные могли быть при определенных условиях допущены к управлению собственными территориями.

Таким образом, отличительными чертами африканерского мировоззрения, определявшего их националистические взгляды, явилось сочетание таких ценностей, как индивидуализм, антирыночный аграризм, фундаменталистский кальвинизм и антикосмополитический изоляционизм, а также представление о национальной исключительности [10, с. 40].

Политическая идеология африканерского национализма

На первом этапе государственности Южно-Африканского Союза африканерский национализм был мобилизован на то, чтобы противостоять политическим силам, созданным белыми англоязычными жителями ЮАС, в основном выходцами из Великобритании и их потомками, для отстаивания собственных интересов. В первые годы после англо-бурской войны идея о том, что африканеры были лишены своей политической и экономической «независимости» Великобританией в морально несправедливой войне, систематически культивировалась системой образования и воспитания и даже стала частью африканерского фольклора. Внутренняя «борьба» против англоговорящих была, по мнению многих африканеров, ничем иным, как продолжением неравной войны между Великобританией и двумя бурскими республиками [11, с. 384–385].

После провозглашения ЮАС в 1910 г. африканерский национализм проявлял себя в политическом смысле как требование самостоятельности доминиона от Лондона вплоть до выхода ЮАС из состава Британской империи. В среде африканеров появились идеологи, которые обосновывали идею обособленного развития африканеров в составе Британской империи, которое бы позволило им избежать ассимиляции африканеров и обеспечить сохранение национальной идентичности. К их числу относились Джеймс Барри Герцог (1866–1942 гг.) и Даниэль Франсуа Малан (1874–1959 гг.).

Джеймс Герцог – выходец из старинной африканерской семьи. После окончания Амстердамского университета в 1892 г. он имел юридическую практику в Претории, а в годы англо-бурской войны был заместителем командующего армией Оранжевого свободного государства и стал одним из подписантов Феринихингского мирного договора¹. Взгляды Герцога привлекают внимание исследователей, поскольку именно он считается наиболее ярким идеологом и духовным лидером африканерского национализма.

Многие годы активная политическая позиция Герцога в концентрированном виде выражала сопротивление африканеров трем тесно связанным вещам: политическому доминированию англоговорящих; экономическому богатству англоговорящих, основанному на тех преимуществах, которые предоставляла им капиталистическая система в целом и политика Горной палаты², в частности; колониальной власти Великобритании и ее империалистической политике [12, с. 365].

В предложенной Герцогом модели социального развития все белое население ЮАС, включая как африканеров, так и англичан, представляет собой единый феномен,

¹ Феринихингский мирный договор – мирный договор, подписанный 31 мая 1902 г. в Претории и положивший конец Второй англо-бурской войне – получил название по селению Феринихинг, где проходили бурские дебаты по поводу его подписания.

² Горная палата – созданная в 1889 г. организация шахтовладельцев.

проявляющийся в виде двух разнонаправленных потоков. Эти потоки развиваются в параллельных плоскостях, имея культурное, этнолингвистическое, религиозное и иные измерения. Иными словами, африканерские язык и культура, по Герцогу, сосуществуют с языком и культурой англоговорящих южноафриканцев, не пересекаясь с ними. В отличие от пробритански настроенного бурского генерала Луиса Боты (1862–1919 гг.), который возглавлял правительство на начальном этапе существования ЮАС, Дж. Герцог выступал за сохранение двух языков и двух культур в отдельных ипостасях, однако, как и Бота, он хотел, чтобы две эти культурные группы сформировали единую южноафриканскую нацию [11, с. 384]. Герцог заявлял, что африканеры должны активно и сознательно противостоять слиянию «двух потоков», иначе британская культура «поглотит» южноафриканскую [4, с. 144]. В своих высказываниях по поводу экономического положения африканеров в ЮАС Герцог настаивал, что африканеры, которые были представлены преимущественно фермерами и городскими рабочими, должны были иметь равные права с англоговорящими южноафриканцами, меньшая численность которых с избытком уравнивалась их более благополучным материальным достатком [13, с. 142].

Джеймс Герцог был против подчиненного положения ЮАС в Британской империи, выступая за его полную самостоятельность. Объектом его критики были пробритански настроенные политические деятели страны, недостаточно лояльные ЮАС. В серии речей в ходе поездки по стране в конце 1912 г., начавшейся 5 октября в Нилстроме (город в провинции Лимпопо) и завершившейся в Де Вильдте (город в 40 км к северо-западу от Претории) 7 декабря, Герцог осудил «иностранных искателей фортуны», которые были верны Британской империи, но не Южной Африке. Например, новый лидер оппозиционной Юнионистской партии в парламенте страны Томас Смартт, по мнению Герцога, не испытывал в должной мере «истинного» южноафриканского патриотизма, а потому не имел права входить в правительство и управлять страной. Возглавлять Южную Африку, по мысли Герцога, должен «только африканер», под которым он подразумевал не обязательно этнического африканера, но любого белого жителя страны, говорящего на африкаанс или на английском, который в первую очередь верен Южной Африке. В своей речи в Де Вильдте Герцог декларировал: «Империализм встретит мое согласие только в той мере, в коей он служит Южной Африке: там, где он сталкивается с интересами Южной Африки, я решительно против него» [11, с. 385].

Сформулировав свой основной лозунг: «Южная Африка – превыше всего», Герцог исходил из принципа примата интересов южноафриканской нации. Вместе с тем этот принцип не предполагал какой-либо враждебности или даже неприязни к Британии. Однажды он заявил: «Я верю в Британскую империю в той мере, в коей она приносит пользу Южной Африке. Но когда ее интересы расходятся с интересами Южной Африки, я выступаю против нее» [4, с. 143]. Уже будучи премьером, Дж. Герцог, проявил свои незаурядные политические способности в решении проблемы обеспечения равноправия доминионов и метрополии (в том числе взаимоотношений Великобритании и Южно-Африканского Союза), участвуя в имперской конференции 1926 г. Вот что писала по этому поводу в 1930 г. газета *The Times*: «Он (Герцог – А.С.) был одной из выдающихся фигур имперской конференции 1926 г., которая была посвящена определению и подтверждению конституционных соглашений, управляющих Империей. Проблема равного статуса Великобритании и доминионов заботила генерала Герцога в большей степени, чем любого другого делегата. Вся его публичная карьера была посвящена идеалу южноафриканской нации» [14].

Привлекают к себе внимание взгляды Герцога по расовому вопросу. Большую актуальность для Южной Африки представлял вопрос сосуществования белого и черного населения. Герцог видел принципиальную разницу между двумя расовыми группами в

цивилизационной парадигме: белые были носителями цивилизации, черные же стояли только на первой ступеньке «цивилизационной матрицы». Обязанность белых состояла в том, чтобы защищать «цивилизацию» через так называемую «цивилизационную трудовую политику», и одновременно помогать коренным жителям осуществить «переход между полу-варварством и цивилизацией» [5, с. 106].

В этом смысле идеология африканерского национализма очевидно вступала в непримиримое противоречие с коммунистической идеологией, которая в начале XX в. начала проникать в Южную Африку и обрела определенную популярность в пролетарской среде после победы революции 1917 г. в России. Помимо того, что африканерские националисты были резко настроены против коммунистической идеи расового равенства, которую они называли «либералистической» [13, с. 142], они выступали против материалистической философии марксизма, которая противоречила их глубоким религиозным чувствам.

Интересно также проследить идейное сходство африканерского национализма с германским национал-социализмом. Обе идеологии возникли на фоне унижительных поражений – немцев в Первой мировой войне и африканеров в англо-бурской войне, которые позволили националистам в Германии и на Юге Африки апеллировать к уязвленному чувству национальной гордости и стремлению отомстить за национальное унижение. В обеих идеологиях главным врагом представлялись капиталистические «паразиты» и «спекулянты», которые сидят на шее у трудового народа – в первом случае это были еврейские финансисты, «обкрадывающие германскую нацию», во втором – англоязычные хозяева шахт, которые, устранив Цветной барьер в интересах собственной прибыли, принесли неслыханные страдания белым горнякам-африканерам. В обеих идеологиях отчетливо присутствовал расовый мотив. В германском случае речь шла не о реальной, а об умозрительной «арийской расе», которая наделялась всеми возможными достоинствами и стояла на вершине иерархической расовой пирамиды, в основании которой находились «расово неполноценные» евреи, славяне и т.д. Что касается африканеров, то, как справедливо указывали отечественные историки В. Разумный и В. Чаленко, если изначально основным объектом агрессии были британцы, составлявшие основную социальную базу колониальной администрации, то на более позднем этапе представители цветного и черного населения доминиона, что связано с увеличением их численности и ростом освободительного движения [6, с. 74].

Африканерский национализм в политической жизни ЮАС на начальном этапе его истории

В 1910 г. британский парламент принял акт о Южной Африке, согласно которому был образован доминион Южно-Африканский Союз. Новое образование получило право формирования собственного парламента и правительства, были инициированы процессы создания политических партий, объявлено о проведении общенациональных выборов. Стоит отметить, что политическими правами, включая право голоса на выборах, было наделено только белое население Южно-Африканского союза, представленное британцами и африканерами (последних было большинство). Достаточно сказать, что по переписи населения 1904 г. на Юге Африки насчитывалось чуть более 1,1 млн белых, что составляло 21,6% населения, остальное приходилось на африканцев и прочие категории цветных [15, с. 219]. Следует отметить, что в первой переписи населения ЮАС, проведенной в 1911 г., в списке вопросов не было темы принадлежности к этносу, а белые были обозначены как единая расовая группа, и поэтому процент африканеров в белом населении можно определить только по косвенным признакам, например, языковой или религиозной картине [16, с. 10].

Англоязычные жители доминиона в основном поддерживали Партию юнионистов во главе с Леандером Старром Джеймсоном, тогда как африканеры голосовали за Южноафриканскую партию, возглавляемую Луисом Ботой и Яном Смэтсом. Однако победа Южноафриканской партии и формирование правительства Боты, который стал проводить пробританскую политику, не оправдали надежд националистически настроенной части африканеров. Вошедший в правительство Боты на пост министра юстиции Дж. Герцог даже написал 13 мая 1911 г., что будет «вынужден отказаться быть частью власти», если ею будет продолжен «тренд игнорирования людей и принесения в жертву их интересов» [11, с. 384]. Для Герцога казалось очевидным, что Бота не придерживается компромиссной позиции, а тяготеет к англичанам, а это означало дальнейшее укрепление позиций английского языка и культуры, которые уже тогда доминировали в Южной Африке, а также угрозу уничтожения языка африкаанс и африканерской культуры. Таким образом, уже на самом начальном этапе существования ЮАС пробританские политические силы ЮАС и африканерские националисты вступили в борьбу по вопросу о статусе языков и национальной культуры англичан и африканеров.

Между тем африканеры, недовольные пробританским курсом юнионистов, стали предпринимать шаги к политической институализации своих интересов. В 1912 г. лидер националистов Дж. Герцог вышел из Южноафриканской партии Боты и Смэтса, а в 1914 г. основал Национальную партию, которая сразу же получила представительство в парламенте [13, с. 142]. Националистам в парламенте противостояли Южноафриканская партия и юнионисты, представлявшие, соответственно, пробритански настроенную часть африканерского общества и англичан. До 1924 г. Национальная партия набирала силы и на проходивших в 1915 и 1920 гг. парламентских выборах «откусывала» избирателей у Южноафриканской партии. Например, на выборах 1915 г. Национальная партия получила 26 мест (Южноафриканская партия 54), на выборах 1920 г. – уже 44 места (Южноафриканская партия 41). Наконец, в 1924 г. коалиция Национальной партии и лейбористов получает большинство в нижней палате, что позволяет ей сформировать правительство во главе с Дж. Герцогом.

Помимо Национальной партии, националисты создали 5 июня 1918 г. Брудербонд³ – отдельную идейно-политическую структуру, которая по многим признакам напоминала секретную «масонскую ложу» и проповедовала идеи африканерского национализма. Первоначально в него входили четверо представителей африканерской интеллигенции и предпринимательства, однако впоследствии число членов увеличилось. Брудербонд не участвовал в выборах, однако выдвигал собственные политические манифесты, в которых апеллировал к уникальности и богатству африканерского языка и культуры, приоритету бурских интересов перед британцами в социальной и экономической сферах и т.д. [6, с. 71]. В годы апартеида это общество сохраняло характер тайной организации, став, своего рода, «мозговым центром» правящего режима.

В политической повестке дня в период после англо-бурской войны вплоть до принятия Вестминстерского статута в 1931 г.⁴ и объявления полной независимости страны отчетливо проявляли себя вопросы, по которым между пробританскими и националистическими силами наблюдались принципиальные разногласия. Борьба вокруг этих вопросов определяла суть и характер политических процессов в ЮАС на первом этапе его государственности.

³ *Afrikaner Broederbond* – дословно Союз братьев-африканеров.

⁴ Вестминстерский статут 1931 г. – акт парламента Великобритании от 11 декабря 1931 г., установивший правовое положение доминионов (государств в составе Британской империи) и их взаимоотношения с Великобританией. Таким образом, была создана правовая база Британского содружества наций (в настоящее время – Содружество наций).

Прежде всего, недовольство африканерских националистов вызывал курс на слишком тесные отношения с Великобританией, проводимый правительствами Боты (1910–1919 гг.) и Смэтса (1919–1924 гг.). Националистам было непонятно откровенное братание премьера Луиса Боты с юнионистами, выступавшими за пробританский курс ЮАС, лидера которых, Джеймсона, Бота рассматривал как своего коллегу. Юнионисты в свою очередь были недовольны, что в правительстве Луиса Боты были националисты, деятельность которых ограничивала пробританскую внешнюю политику ЮАС.

Хотя ЮАС обладал статусом доминиона, имея широкую автономию в составе Британской империи, националисты считали ее недостаточной и выступали за изоляционистский внешнеполитический курс ЮАС и за большую его независимость, вплоть до отделения от Империи. Противоречия в этой области в полной мере проявились по вопросу участия Южно-Африканского Союза в Первой мировой войне на стороне Великобритании. Африканеры не считали Германию своим врагом и сомневались в выгодах, которые ЮАС мог получить от победы над ней. Когда армия доминиона вторглась в германскую Юго-Западную Африку, это послужило поводом для восстания в самом ЮАС в 1914–1915 гг., вошедшего в историю как восстание Марица. Националистически настроенные африканеры увидели в Первой мировой войне шанс на восстановление самостоятельности бывших бурских республик. Мятеж подавили вооруженные силы доминиона, а сам Герцог занял нейтральную позицию, открыто не поддержав восставших. Однако сам факт антиправительственного вооруженного выступления части армии доминиона под националистическими лозунгами свидетельствовал об огромном популистском потенциале, которым обладала эта идеология.

Противостояние англичан и африканеров проявлялось и в том, что последние протестовали против открытого выражения лояльности Британской короне. Некоторые жесты в этом направлении они считали унижительными для ЮАС. Например, таковым в их глазах стал акт дарения в 1907 г. на день рождения королю Эдуарду VII алмаза Куллинан (самый большой природный алмаз ювелирного качества из когда-либо найденных на нашей планете, извлеченный из шахты в Южной Африке 25 января 1905 г.). Другим поводом для недовольства стало открытие премьером Ботой памятника Сесилу Родсу на Столовой горе в 1912 г. Сесил Родс считался националистами врагом, так как он был одним из тех деятелей, благодаря которым Британия расширила свои владения на Юге Африки.

Расхождения с британцами у африканерских националистов вызывал также вопрос о государственных символах, в частности, государственном флаге, государственном гимне и государственном языке. В результате долгих политических дискуссий стороны находили компромиссный вариант, предполагавший параллельное хождение государственных символов, предложенных африканерами и британцами, а также их равный статус.

Это касалось, в частности, имперского гимна «Боже, храни короля» и гимна африканеров *Die Stem van Suid Afrika* («Голос Южной Африки»). В равные условия были поставлены и флаги: британский Юнион Джек и южноафриканский оранжево-бело-синий триколор [4, с. 144]. Однако националисты были недовольны этим обстоятельством, считая, что у ЮАС должен быть только один национальный флаг. Вот что, например, сказал Джеймс Герцог по поводу британского флага: «...если мне скажут, что этой мой флаг, то я скажу – нет, это не мой флаг» [19, с. 132]. Наиболее остро вопрос о государственном флаге встал во внутривнутриполитической повестке дня страны в 1926 г., когда националисты находились у власти уже два года. Тема государственного флага вызвала бурную дискуссию между пробританскими деятелями и националистами. В итоге был принят флаг, который, олицетворяя историю африканерской нации, он состоял из трех горизонтальных полос оранжевого, белого и синего цвета, а на белой полосе были помещены маленькие изображения флагов Трансвааля, Оранжевого свободного государства и британского Юнион Джека.

Но наибольшую конфликтность вызывал вопрос о государственном языке. Еще в 1908 г. Джеймс Герцог, будучи генеральным прокурором и верховным комиссаром по вопросам образования Оранжевого Свободного Государства, добился установления жесткой системы обязательного билингвизма: голландский должны были преподавать наравне с английским языком [14]. Актом о Южной Африке 1909 г. два языка – голландский и английский – были признаны официальными. Каждый кандидат на государственную должность должен был продемонстрировать владение ими в равной степени.

Однако англичане не хотели учить африкаанс. Например, предложенный Герцогом в бытность министром юстиции в правительстве Луиса Боты в 1910–1912 гг. Закон об образовании в Оранжевом Свободном Государстве предписывал, что в целях соблюдения принципа языкового равенства английские дети должны учить голландский, а дети африканеры – английский. Африканеры приняли эту меру, но многие их англоговорящие сограждане не соглашались с тем, что их дети должны учить голландский. Хотя данный закон применялся только к Оранжевому Свободному Государству, он подвергался нападкам во всех частях страны. Так, депутат Партии юнионистов Чарльз Кру представил нижней палате южноафриканского парламента проект резолюции, осуждавшей принудительный билингвизм в Законе об образовании.

Парламентский комитет, членом которого был Герцог, пришел к выводу о том, что английский был доминирующим в Трансваале, Натале и Капской колонии и что языкового равенства не удалось достичь ни в одной провинции ЮАС, помимо Оранжевого Свободного Государства. Комитет выступил против предложенного Герцогом принципа принудительного билингвизма и рекомендовал, чтобы родители могли сами выбирать, какой язык будут учить их дети. Герцог не стал скрывать своего разочарования этим решением, однако утвердил его, чтобы не создавать конфликта, и даже попросил правительство Оранжевого Свободного Государства привести свой закон в соответствие с рекомендациями комитета. Как отмечала газета *The Manchester Guardian*, деятельность Герцога по обеспечению равного статуса английского языка и голландского в Оранжевом Свободном Государстве «сделала его де факто лидером масс голландцев в Капской провинции и в Трансваале, равно как и в его собственной провинции (Оранжевой Республике – А.С.)» [17].

Несмотря на неудачу в попытках обеспечения принудительного билингвизма, африкаанс благодаря активной деятельности Герцога стал языком обучения во многих школах всех провинций ЮАС. В 1916 г. его признала Голландская реформаторская церковь, и в 1925 г. он был официально утвержден в качестве одного из двух официальных языков Южной Африки вместо голландского [4, с. 144].

Африканерским националистам также не нравилась экономическая политика правительства, которая носила в их глазах чересчур лоялистский характер по отношению к Империи. С присоединением бурских республик к Британии в результате англо-бурской войны 1899–1902 гг. буры оказались включены в капиталистическое развитие Империи, что сильно ударило по привычному укладу их жизни и экономическим основам их существования. Проводившиеся проанглийским правительством капиталистические преобразования приводили к разорению ферм африканеров и подрывали саму философию бурского изоляционизма и антирыночного аграризма. Разорившиеся фермеры-африканеры пополняли ряды пролетариата, главным образом в горнорудной промышленности, где им пришлось конкурировать с менее требовательной и более дешевой чернокожей рабочей силой. Это способствовало радикализации националистических настроений среди африканеров. К тому же эти преобразования сопровождались попытками отстранить буров от возможности участия в социально-экономических и политических делах Союза [2].

Расовые мотивы в полной мере проявили себя в период восстания горняков в Трансваале в 1922 г., вызванного несоблюдением шахтовладельцами принятого в начале XX в. Цветного барьера, который защищал белых рабочих (в основном африканеров) от конкуренции со стороны черных. Африканерские националисты выразили готовность поддержать на политическом уровне белых рабочих в их требованиях защиты от конкуренции со стороны черных на рынке труда. В ходе восстания отчетливо выявилось, что бедные белые африканеры, в том числе неквалифицированные рабочие, представляют весомую базу электоральной поддержки Национальной партии. И хотя правительство Смэтса жестоко подавило это восстание, лозунги националистов о «защите белых от конкуренции со стороны черных» привели к росту популярности Национальной партии и в конечном счете способствовали ее победе на выборах. Придя к власти в 1924 г., Дж. Герцог немедленно восстановил Цветной барьер.

Вообще расовый вопрос, а именно – проблема наделения местного черного населения политическими и экономическими правами, стал одним из пунктов, разведивших националистов и англичан по разные стороны баррикад. В отношении черного населения ЮАС позиция африканерских националистов была гораздо более жесткой, нежели британцев. В глазах африканеров черные жители континента, которые были поработаны ими в ходе колонизации, являлись людьми второго сорта. Склонность буров к расизму отмечал еще Уинстон Черчилль в своем сочинении «От Лондона до Ледисмита», когда разговаривал с пленившими его бурами во время англо-бурской войны [18, с. 371–372].

Поводом для критики со стороны африканеров явилось проявление со стороны метрополии излишнего, по мнению африканеров, либерализма по отношению к черному населению ЮАС. В Британской империи XX в. все громче звучали голоса в пользу соблюдения прав черных и осуждения наиболее оголтелых форм расизма. Британские политики считали, что нужно двигаться в направлении постепенного расового равноправия, тогда как африканерские националисты по-прежнему придерживались жесткого курса в отношении коренного населения доминиона. Защищавшийся националистами Цветной барьер как раз представлял собой пример ущемления экономических прав черных.

Другой пример: Лондон в 1920-е гг. опасался передавать ЮАС смежные с ним протектораты, хотя такой план существовал изначально при предоставлении ЮАС статуса доминиона, так как не был уверен, что африканеры будут соблюдать интересы черного населения. На это решение оказала влияние радикализация националистических взглядов в руководстве ЮАС после прихода к власти Националистической партии в 1924 г. Большой популярностью стали пользоваться еще более радикальные, чем Джеймс Герцог, африканерские националисты, например Даниэль Франсуа Малан. Позднее, уже в 1930-е гг., Малан возглавил Очищенную национальную партию, выступавшую против политики примирения англичан и африканеров, которую проводил Герцог. Большое влияние на членов партии Малана оказала идеология германских нацистов. Идеи национал-социализма, по мнению южноафриканских националистов, перекликались с идеями христианского национализма. В ЮАС широко развернулась антисемитская кампания, высказывались идеи законодательного запрета еврейской иммиграции, которые частично были реализованы с 1 ноября 1936 г., на африкаанс переводилась нацистская литература [6, с. 72]. Все это не могло не вызывать обеспокоенность в Лондоне.

Таким образом, африканерский национализм занимает значимое место в политической истории Южно-Африканского Союза первой трети XX в. Условия, в которых существовали африканеры с первой половины XIX в., способствовали формированию среди них националистического мировоззрения с присущим ему недоверием к другим народам и расам и обособленному взгляду на окружающий мир. Горечь поражения в англо-бурской войне 1899–1902 гг. усилила националистические чувства африканеров и заставила с большим недоверием относиться к Великобритании. Особенно национа-

листической идеологии были подвержены африканерские фермеры, которым нахождение ЮАС в составе Британской империи принесло экономические трудности и даже разорение.

Феномен африканерского национализма является интересным примером влияния на политическую сферу британских колоний националистической идеологии, которая способствовала становлению и развитию там национально-освободительных движений. Сильный национализм в ЮАС, как представляется, стал одним из важнейших факторов в пользу провозглашения этим доминионом в 1934 г. независимости в составе Британского Содружества.

Источники

1. *Национализм в мировой истории*. М., Наука, 2007.
2. Дерягина И.Г. Англо-бурское противостояние и его отражение в зарубежной историографии конца XIX – середины XX в. *Научные записки ОРЕЛПИЭТ*. Орел. 2011. <https://docplayer.com/38143342-I-g-deryagina-anglo-burskoe-protivostoyanie-i-ego-otrazhenie-v-zarubezhnoy-istoriografii-konca-xix-serediny-hh-veka.html> (дата обращения 01.11.21.)
3. Thulo Pule. Afrikaner capitalism and its nationalism. *OR Tambo School of leadership*. <https://www.ortamboschool.org.za/2019/07/24/afrikaner-capitalism-and-its-nationalism-by-pule-thulo/> (дата обращения 10.11.21)
4. Macdonald F. Austin. Politics in the Union of South Africa. *Annals of the American academy of political and social science*. 1953.
5. Heribert Adam and Hermann Gilliomee. *Ethnic power mobilized. Can South Africa change?* Yale university press. 1979.
6. Разумный В.В. Чаленко В.В. Влияние националистических идей на становление режима апартеида в ЮАС в первой половине XX века. *Вестник Донецкого национального университета*. Донецк. 2019, № 3.
7. Andre Wessels. Chapter 8. The Anglo-Boer war (1899-1902) and its Traumatic Consequences. *Breaking Intergenerational Cycles of Repetition: A Global Dialogue in Historical Trauma on Historical Trauma and Memory* (ed. by Pulma Gobodo-Madikizela). Verlag Barbara Budrich. 2016. Pp. 160-173. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctvdf03jc> (дата обращения 15.11.21)
8. *Science Encyclopedia*. Apartheid. Rise of Afrikaner Nationalism. <https://science.jrank.org/pages/8334/Apartheid-Rise-Afrikaner-Nationalism.html> (дата обращения 20.11.21)
9. Harris K.L. The Construction of ‘Otherness’: A History of the Chinese Migrants in South Africa. *Migration and Agency in a Globalizing World. International Political Economy Series*. Cornelissen S., Mine Y. (eds). Palgrave Macmillan, London, с. 115–141. https://doi.org/10.1057/978-1-137-60205-3_6/
10. Van Den Berghe Pierre L. Language and Nationalism in South Africa. *Race and class*. 1967.
11. *Five hundred years. A history of South Africa*. Edited by Muller C.F.J. Pretoria, 1969.
12. Terreblanche Sampie. White South African relations: a reluctant alliance. *International relations*. 1988.
13. Gwendolen M. Carter. Union of South Africa: Politics of White Supremacy. *Annals of the American academy of political and social science*. 1955.
14. *The Times*. 1 October 1930.
15. W.K. Hancock. *Smuts, vol. I: The Sanguine Years 1870–1919*. Cambridge University Press, 1962.
16. Christopher A.J. The Union of South Africa censuses 1911–1960: An incomplete record. *Historia* 56, 2, November 2011.
17. The Manchester Guardian. 10. June. 1924.
18. Черчилль Уинстон С.. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897–1900. М., 2004.
19. *South African parties and policies 1910-1960*. Edited with the introduction by D.W. Krager, M.A. Litt. London. 1960.

AFRIKANER NATIONALISM IN THE POLITICAL LIFE OF THE UNION OF SOUTH AFRICA IN THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY

© 2022 Alexey Streltsov

STRELTSOV Alexey D., Specialist, Junior Research Fellow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov str., 3, Moscow, Russian Federation, e-mail: Dr.Watson.S@mail.ru

Abstract. *The purpose of the article is to trace the formation and development of Afrikaner nationalism, which played an important role in the political life of the Union of South Africa in the first third of the 20th century; to find out the origins of the formation of Afrikaner nationalism and what factors influenced this formation; to analyze which groups of the white population of the Union of South Africa were close to the ideas of Afrikaner nationalism, to show how Afrikaner nationalism diverged from other ideologies in the Union of South Africa and how it influenced the political life of the dominion, how it influenced the relations of the Union of South Africa with Great Britain and, consequently, the formation of the British Commonwealth.*

The relevance of the topic is due to the fact that nationalism is still an ideology that unites various social groups in many countries of the world. The conditions for the formation of Afrikaner nationalism are similar to the conditions for the formation of nationalism of other ethnic groups.

Keywords: *nationalism, Afrikaners, Africa, James Duke, South African Union, dominion*

DOI: 10.31132/2412-5717-2022-59-2-74-87

References

Andre Wessels. Chapter 8. The Anglo-Boer war (1899-1902) and its Traumatic Consequences. *Breaking Intergenerational Cycles of Repetition: A Global Dialogue in Historical Trauma on Historical Trauma and Memory* (ed. by Pulma Gobodo-Madikizela). Verlag Barbara Budrich. 2016, pp. 160–173. <https://www.jstor.org/stable/j.ctvdf03jc> (accessed 15.11.21)

Cherchill Uinston S. India, Sudan, Yuzhnaya Africa. Pohody Britanskoy armii 1897–1900 (Churchill Winston S. India, Sudan, South Africa: British Army's Campaigns of 1897–1900). Moscow, 2004.

Christopher A.J. The Union of South Africa censuses 1911–1960: An incomplete record. *Historia* 56, 2, November 2011.

Deryagina I.G. Anglo-Burskoye protivostoyanie i yego otrazheniye v zarubezhnoy istoriografii kontsa XIX – serediny XX v. (The Anglo-Boer confrontation and its reflection in the foreign historiographical sources of late 19th and the first half of the 20th century). *Nauchnye zapiski ORYOLGIET*. Oryol. 2011. <https://docplayer.com/38143342-I-g-deryagina-anglo-burskoe-protivostoyanie-i-ego-otrazhenie-v-zarubezhnoy-istoriografii-konca-xix-serediny-hh-veka.html> (accessed 01.11.21)

Five hundred years. A history of South Africa. Ed. Muller C.F.J. Pretoria, 1969.

Gwendolen M. Carter. Union of South Africa: Politics of White Supremacy. *Annals of the American academy of political and social science*. 1955.

Harris K.L. The Construction of 'Otherness': A History of the Chinese Migrants in South Africa. *Migration and Agency in a Globalizing World. International Political Economy Series*. Cornelissen S., Mine Y. (eds). Palgrave Macmillan, London, p. 115–141. https://doi.org/10.1057/978-1-137-60205-3_6/

Heribert Adam, Hermann Gilliomee. *Ethnic power mobilized. Can South Africa change?* Yale university press. 1979.

Macdonald F. Austin. Politics in the Union of South Africa. *Annals of the American academy of political and social science*. 1953.

Natsyonalizm v mirovoy istorii (Nationalism in world history). Moscow. Nauka. 2007.

Razumnyi V.V. Chalenko V.V. Vliyanie natsyonalisticheskikh idey na stanovleniye rezhima apartheida v YUAS v pervoy polovine XX veka (The impact of nationalist ideology on the formation of the apartheid regime in the Union of South Africa in the first half of 20th century). *Vestnik Donetskogo Universiteta*. 2019. № 3. Donetsk

Science Encyclopedia. Apartheid. Rise of Afrikaner Nationalism. <https://science.jrank.org/pages/8334/Apartheid-Rise-Afrikaner-Nationalism.html>

Smuts, vol. I: The Sanguine Years 1870–1919. W.K. Hancock, Cambridge University Press, 1962

South African parties and policies 1910–1960. Edited with the introduction by D.W. Krager, M.A. Litt. London. 1960.

Terreblanche Sampie. White South African relations: a reluctant alliance. *International relations*. 1988.

The Manchester Guardian. 10 June 1924.

The Times. 1 October 1930.

Thulo Pule. Afrikaner capitalism and its nationalism. *OR Tambo School of leadership*. URL: <https://www.ortamboschool.org.za/2019/07/24/afrikaner-capitalism-and-its-nationalism-by-pule-thulo/> (accessed 10.11.21)

Van Den Berghe Pierre L. Language and Nationalism in South Africa. *Race and class*. 1967.